

ИНЫЕ ЖАНРЫ...

Илья МИЛЬШТЕЙН

ПАРОДИИ

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗГРАМОТНОСТИ

Журналистика – довольно точная наука. Вырваться за привычные рамки репортажа, рецензии, комментария, расследования нелегко. Да и нужно ли? Литературщина в моей профессии – это, как правило, отсутствие вкуса. Прозаические экзерсисы затемняют мысль. Однако порой устаешь от шаблонов.

Вдруг эти рамки становятся тесны. То ли событие случилось такого рода, что обычные клише не годятся. То ли отношение к случившемуся заставляет обращаться к иным средствам общения с читателем.

Тогда на помощь приходит литература. Точнее, жанр литературной пародии, в котором кромешный абсурд, с которым чаще всего имеет дело человек, пишущий о политике, отражается ярче и полней.

Размышляя о вещах страшных, типа ксенофобии или особенностей национальной борьбы с террором, устаешь от своих и чужих обличений. Высмеивая, освобождаешься от боли. И мир предстает не таким безнадежным, как на самом деле.

Июль 2001 года. Россия и мир читают второй том капитального труда Александра Солженицына «Двести лет вместе», посвященного двум векам совместного проживания в стране русских и евреев. Одновременно Александр Исаевич возвышает свой голос в защиту смертной казни.

Двести лет как жизни нет

Обоестороннее исследование русско-еврейских связей

Евреев мы всё бесперечь ругаем, а взглянуть бы по-доброму, без косноглазия и залыганья: так ли уж зловиновны иудеи российские в раскалённых красноязыких пожарах наших? Во всех ли бедах и горестных недомоганиях земель славянских змеится подлая тень мохнатых хвостов раппопортов и циперовичей? Всегда ли в истории Российской гнездились лишь крючкотворные грязные лапы троцко-большевицких пригнётчиков?

Взглянем по-доброму.

Не всё и у нас ладно с разноравными пришельцами из песков сыпучих израильских. Рассмотрим хоть объёмно и равновесно историю погромов на нехристей чужестранных, распространившихся по-тараканы по сочным чернозёмам Русской земли. Если не переключенно, но обоесторонне осветить нам этот калёный клин, то увидим: случались и такие, пусть мелкие, но досадительные происшествия. Метнём великодушно взор со стороны богопротивной: хорошо ли им жилось при погромах? Да не очень. Иным и не жилось даже вовсе.

А – и нам не жилось. Прочтём непоmeshливо полицейские рапорты тех безвозвратных лет: в них – Историей подтверждённая безукоризненная точность и отчётливая бесприемная правда. Вникнем: «евреи г. Макашовска... в последнее время стали вести себя

прихотливо и гордо: плевали на Городовых, сталкивали офицерских Жён в Лужу, срывали погоны с Генералов-от-кавалерии и рисовали шестиконечную звезду на Церквах Православных и Синагогах Жидовских, всячески подчёркивая своё превосходство над мещанами Макашовского уезда». В другом таком же источнике находим, что «иудеи г. Молдаванка с крайним непотребством вели себя при Погроме, выплёскивая на мещан, вооружённых лишь Крестами и дрекольем, бутылки с серной Кислотой и крысиным Ядом». Не погрешим против истины, если ещё и добавим: аптеками в те годы традиционно владели евреи...

Вот и срединная линия, на которой утвердимся прочно и незлобно: и мы, и они повинны двести лет вместе. На возврате дыхания и сознания покаемся отдышливо: и они, сатанинские дети, и мы с дрекольем запальчивы были. И — доброты не в избытке у нас, если по совести, обоесторонне и без захоронок. С них-то, с нехристей, что взять, а мы вот ошиблись маленько.

Но — малой мерой покаемся, не зачёрпывая через край. Ибо неводым им каяться вместе с нами: с их-то стороны одна лишь русофобия да «вековая испорченность русского народа». Покуда бессчётливо самоограничиваемся мы, они уж наготове со своими беззастенчивыми списками и перечнями. Если б одни погромы... Тут и потасканная процентная норма, и злопамятные выселения, и напористая черта оседлости, и облыжный наш антисемитизм.

Да в чём же? Возьмём хоть университеты русские, куда так стремились еврейчата (если б в армию так шли!). А спросить народ, так ведь и справедливо было: оградить коренное население от неравноправия, чтобы навязливые дети выкрестов не заповилили высшие учебные заведения, вытеснив оттуда незатейливых крестьянских и купеческих детей. Если по-доброму, по-христиански подойти, так ведь сами понимать должны были и догадливо сидеть в местечках, не мечтая завистливо о науках бесплодных и не высываясь носато. Или вот выселения: да, погнали пейсатых из Ялты в 1893, да разве (если по-доброму) не было нужды гнать? А царский дворец в Ливадии, по соображениям госбезопасности, разве не следовало освободить от угрозы иудейско-террористических покушений? Или не бродил поблизости с бомбой Шнеерсон? И скажем по-доброму (из последних сил): а — что ж не жилось-то евреям в черте оседлости, куда добронравно определил их Царь, что всё в университеты да в Крым, да в революцию лезли, из нищеты и тьмы вековой?.. За что ж они нас так не любили?

Но — вырвались к образованию, в Крым, в столичные города. И куда ж подались скопом, до последнего иудёныша? В бомбисты, в адвокаты да в журналисты, научились манипулировать общественным мнением, захватили не только аптеки, но и — газеты. Теперь, когда все топоры своего дорубились, когда всё посеянное взойшло — видно нам, к чему невозбранно, при мягкости полицейской, призывали те адвокаты картавые, змеющиеся журналисты и аптекари с бомбами.

И так — до сегодня.

Теперь, когда докатились мы до Безбожной Демократии, кто громче всех славил и славит чёрные дела её? Кто, потакая бесстыдно ваучерам и скорохватам, расчубайсил скоморошливо и Чёрное море даже, растоптал границы, вывез немеряные капиталы? Кто истаскал язык наш, засоряя его бесщадно пустыми иноязычными словесами: «рейтинг», «пудинг», «греф», «маркетинг», «лизинг», «патриотизм»?.. А мы — и слова в ответ не скажи доброго, прямо ложись в гроб и помирай без покаяния. Худо вам жилось с нами? Да что-то много мягкой мебели с вашей стороны перетаскано, сервисов чайных, столового серебра, долларов в исподвольных коробках из-под множительных устройств, а у нас — всё степь да степь, да ржавым прерывистым звоном, как всегда, бьёт подъём — молотком об рельс у штабного барака.

Но — хорошие будем, без переклона.

Вот спросим себя плюралистично: надо расстреливать чернявых, с бородами, безногих шнырей с адскими взрывными машинами? Мы их гуманистично, в ГУЛАГ на вечное поселение, они же смеются прямо в лицо, а — помазать лоб зелёнкой по-доброму — сразу притихнут и явки с гексогеном укажут все. Это не по теме, но вот по теме: много

друзей у меня было иудейского племени, с кем и сидел, а на воле — разошлись, антисемитом и изувером меня нарекли: так что ж, терпеть или уничтожать посмертно? Им-то злопечально, что не разглядели во мне раньше того, кем я был, а и — протёрли бы очки прежде. Взглянем обоюсторонне их глазом чёрным. Покуда бегал слабый телёнок по дубовой роще, сострадали мне, а как вырос да разнёс весь лес к матери, выжег напаломом — не посочувствовали доброте. Как и многим другим писателям, вставшим во весь рост запальчиво против разворота рек, перестройки, демократии, прихватизации, засорения телеэкрана голый, неодухотворённой плотью; плевать стали против тех писателей, да — против ветра. Или вот текст, нередко публикуемый на заборах наших: «Бей жидов, спасай Россию!» — досадителен он для иудеев или не досадителен? А — взглядимся по-доброму. Что ж дурного в том, чтобы Россию спасти?

Двести лет совместной нашей истории — время итоги подвести и выводы делать. Безбоязненно правду сказать, в лоб, но по-доброму, понимая и свою раскалённую святую злобу, но и противную сторону, со всей её подлостью и слепотой. Простить по-божески, но и чтоб мало не показалось. Найти у них, змеиных выкидышей, ростки хорошего и выволочь на свет, да за грудки, да мордой в снег, да вподдых ногами: будешь с нами, как мы с тобой, по-доброму? И — простить, худого слова не сказав, только к стенке поставить, и чтоб стоял, отвернувшись, ещё двести лет и носа не показывал.

Не в силе Бог, а в стиле.

Февраль 2002 года. На зимней Олимпиаде в американском Лейк-Плэсиде «засуживают» российских спортсменов. Взрыв негодования и патриотической активности в Москве и других городах. Ненависть к Америке и американцам зашкаливает все мыслимые пределы. В кругах, близких к кремлёвским, обеспокоены ростом ксенофобии в стране. Звучат призывы к терпимости.

Демократия!..

Широкомасштабные ядерные удары возмездия, нанесённые российской армией по североамериканскому континенту после завершения полуфинальных олимпийских хоккейных матчей, вызвали в нашем обществе противоречивую реакцию. С одной стороны, социологи отмечают резко возросший рейтинг президента и увеличение доверия электората к Вооружённым силам РФ. «Служить в армии снова становится престижно», — эта точка зрения разделяется большинством экспертов и представляется несомненной. Любовь к Родине, чувство патриотизма, уверенность в завтрашнем дне, поддержка реформаторского курса правительства, активное желание платить налоги — положительный ответ по всем этим позициям дали не только пожилые люди с низким уровнем дохода и образования, но и молодые граждане России — студенты, специалисты-выпускники вузов, предприниматели. Практически во всех возрастных и социальных группах наблюдается повышенный интерес к зимним видам спорта.

С другой стороны, столь важные для построения гражданского общества вопросы, как проблема смертной казни, свобода слова, религиозная терпимость, общественный контроль за деятельностью спецслужб пока ещё не встретили понимания у большинства россиян. Несмотря на то, что достижение этих целей поставил перед гражданами сам президент в начале своего обращения к гражданам сразу после нанесения ядерных ударов возмездия, большинство наших соотечественников не сочло решение этих задач жизненно важными для себя. Напротив, вчерашний расстрел иностранных членов Международного олимпийского комитета вызвал, согласно докладам с мест полномочных представителей президента, почти единодушные одобрительные отклики россиян. В многочисленных речах, прозвучавших сегодня во время митинга на Поклонной горе, где открыт сбор пожертвований на памятник Якобы Поскользнувшемуся Антону Сихарулидзе, звучали даже огорчившие Патриарха призывы расстрелять также и членов российского ОКР, мужскую лыжную сборную нашей страны и фигуриста Авербуха. Наблюдатели отмечают, что к этим запальчивым призывам присоединились и некоторые выступившие

там представители столичной власти, губернаторы, члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы и военнослужащие. Отрадно, что должный отпор этим горе-патриотам дали принявшие участие в митинге лидеры «Единства» и Союза правых сил, которых чуть не убили.

Что говорить, построение гражданского общества, основанного на принципах либерализма и уважения к правам личности, идёт далеко не так гладко, как всем нам хотелось бы. Это особенно тревожит в нынешней ситуации, когда перед нашей экономикой в связи с резким укреплением курса рубля по отношению к исчезнувшей условной единице открылись поистине грандиозные перспективы. Объявленная вчера президентом цена российской нефти Urals (с доставкой в порты Средиземноморья) в размере \$1 млрд. за баррель не должна никого обманывать. После окончательного завершения спецоперации «Пьер де Кубертэн» и зачистки североамериканского континента нам все ещё грозит опасность остаться сырьевым придатком условного Запада, если мы не сумеем, воспользовавшись благоприятной экономической конъюнктурой, совершить мощный рывок в сторону рынка. А это невозможно без построения подлинно демократического государства, в котором диктатура закона и прав человека должны стать неотъемлемой частью политической культуры элит и простых граждан. О чем недвусмысленно сказал президент в конце своего обращения к россиянам по поводу нанесения ядерных ударов возмездия по североамериканскому континенту, целую знамя.

И последнее. Как только что сообщил наш корреспондент, на состоявшемся сегодня в Старых Атагах заседании Совета безопасности ООН две из трёх шайб, забитых американцами в ворота хоккейной сборной России, не засчитаны. Допинг-контроль наконец-то выявил то, что было очевидно миллионам российских телезрителей: они ударились в штангу. Не засчитаны также шесть из семи шайб, забитых канадцами голкиперу белорусской команды. Дискуссия о седьмой шайбе проходит буквально в эти минуты. После короткой рекламной паузы мы сообщим вам результат этого матча. Оставайтесь с нами!

23 марта 2003 года. Президент Путин беседует по телефону с эмиром Катара шейхом Хамадом бен Халифой Аль Тани. Если верить кремлёвской пресс-службе, речь идет о «дальнейшем развитии российско-катарских отношений», а также «о ситуации на Ближнем Востоке и в зоне Персидского залива».

Между тем у президента с эмиром имеются проблемы посерьёзней, чем Персидский залив. В катарской тюрьме ждут приговора суда российские чекисты, взорвавшие в Дохе, столице Катара, экс-президента Чечни Зелимхана Яндарбиева. В тюрьме российской столицы томятся белорусско-катарские граждане, взятые в заложники после ареста россиян. Все попытки разрешить конфликт на уровне дипломатическом пока провалились. Жутковатые угрозы министра обороны РФ «всеми средствами» содействовать освобождению сотрудников ФСБ катарский эмир оставил без внимания.

Личный звонок Путина шейху — последняя попытка не доводить дело до суда. Сегодня мы уже знаем, что россияне были приговорены к пожизненному заключению, а затем выданы Кремлю. Но тогда, весной 2004-го, можно было лишь гадать о подробностях беседы президента с эмиром.

Последний звонок в Катар

Путин. Здравствуйте, господин эмир. Звоню вам, как и договорились наши помощники.

Эмир. Зейнаб, поди погуляй. И не забудь покормить павлинов.

Путин. Очень взрывоопасная ситуация создалась на Ближнем Востоке. Вы слышали, наверное, что в Палестине погиб шейх Ахмед Ясин. Прямо в своем автомобиле.

Эмир. Что, бомбу подложили?

Путин. Нет. Удар был нанесен с вертолётной ракетой с лазерным наведением. Вы знаете, что мы последовательно боремся против терроризма. Мы не ведём переговоров

с террористами, мы их уничтожаем, где бы они не находились. Мочим, как вы, наверное, слышали. Но, как мне стало известно, арабский мир встревожен, и вот я хотел бы с вами обсудить создавшуюся ситуацию. В отличие от других террористов, покойный шейх был всё-таки инвалид. Жил у себя на родине, а не искал убежища в третьих странах, как некоторые негодяи. Вы со мной согласны?

Эмир. Евреи просто звери.

Путин. Это сложный вопрос. Я только говорю, что террористы бывают разные. Иных и не жалко, а вот честных, хороших ребят, которые с ними борются, рискуя жизнью, я бы оправдал.

Эмир. Вы про евреев?

Путин. Нет, я про ситуацию в Персидском заливе. Мы осуждаем американское вторжение в Ирак. Буш там еще замучается пыль глотать по подвалам, отыскивая партизан. Я слышал, американцы помогли вам в расследовании убийства этого... чеченца, как же его фамилия?... Да, Яндарбиев. Это был очень подлый и опасный враг российского и катарского народов.

Эмир (*помолчав*). Хочу поздравить вас, господин Путин, с убедительной победой на выборах. Уверен, что ваше избрание станет залогом дальнейшего поступательного развития катарско-российских отношений.

Путин. Вот об этом я как раз хотел с вами поговорить. Мы очень дорожим российско-катарскими отношениями. Это один из приоритетов нашей внешней политики. Так же считает и российский министр обороны. Поэтому хочу задать вам чисто дружеский вопрос: не требуется ли вам помощь от России? Не нужно ли денег для... к примеру, модернизации катарской экономики, на пенсионную реформу или реструктуризацию жилищно-коммунального хозяйства? Мы могли бы обсудить данный вопрос на взаимовыгодной основе.

Эмир. Да у меня этих денег, как нефти.

Путин. А просто так, в подарок? Нефтяные вышки нуждаются в постоянной модернизации.

Эмир. Вышки?

Путин. Вышки. Кстати, это слово в русском языке имеет два значения. Второе и самое главное — смертная казнь. У нас в России смертная казнь отменена.

Эмир. Да что вы? А как же тогда с террористами боретесь?

Путин. Я уже вам говорил: мы их уничтожаем. Где бы они ни находились: в горах, в ущельях или даже на ровной местности. Вот он едет по ровной местности на своем джипе...

Эмир. Да, я знаю. А у нас смертная казнь есть.

Путин (*помолчав*). И все же мне кажется, что у нас с вами довольно близкие взгляды и на ситуацию в Персидском заливе, и по поводу событий на Ближнем Востоке. Близость наших взглядов сыграет очень важную роль в дальнейшем развитии российско-катарских отношений.

Эмир. Я подумаю.

Путин. Мы вам поможем, и вы нам поможете, а в ответ на вашу помощь мы охотно поможем вам.

Эмир. Я подумаю.

Путин. Спортсменов ваших освободим. Хорошие ребята, настоящие борцы. Мне докладывали, что очень тоскуют по дому. И по белорусскому дому, и по катарскому. Могут помереть с тоски.

Эмир. Я подумаю.

Путин. Министр обороны тут подсказывает мне, что у нас побольше ракет, чем у израильтян. Имеются также ядерные ракеты. Мы всегда готовы помочь своим друзьям, но беспощадны к врагам, в особенности — к пособникам мирового терроризма.

Эмир. Вы хотите мне продать ядерное оружие?

Путин. Я хочу вам помочь в борьбе с мировым терроризмом.

Эмир. Я подумаю.

Путин. Вы хорошо меня поняли? Тогда Auf Wiedersehen.

Эмир. Зарема, ты что так рано? Найди Зейнаб, спроси, она покормила павлинов? Господин Путин? Goodbye, я подумаю.

Июнь 2006 года. Автор гуляет по российским интернет-форумам, читает отклики на свои и чужие статьи, постепенно проникаясь мыслями и чувствами сограждан. Когда эти мысли и чувства доходят уже до горла, автор испытывает приступ вдохновения.

Ликвидация безграмотности *Сетевые дискуссии нулевых годов*

Группа политически активных русскоязычных граждан, разбросанных по миру. Они сидят перед компьютерами и, бурно жестикулируя, обсуждают неизвестную статью.

– **комментарий удалён.**

– Афтар жжот! Еще давай!

– Жид поганый. Дочитать до конца не мог – такое говно.

– Непонятно, о чём автор пишет.

– Тебе, мудаку, всё непонятно.

– Телеграфный столб тебе в рот, шпион пиндосский!

– Простите, не совсем понял Вашу мысль.

– Распроитать твою мать, сучара позорная, парчивилка, гондон штопанный, продырявленный, снова штопанный, заграничный!..

– А можно еще раз и по буквам?

– **комментарий удалён.**

– ...блять!

– **комментарий удалён.**

– Статья в целом понравилась, жаль только, что автор недооценивает Моральных Аспектов Исторического Развития Нашей Цивилизации. Загляните на сайт www.istina.ua-ua, и вы сразу многое поймёте. Вам откроется Истина о Настоящей Жизни Сословия Нравственных Людей.

– Заколебал свой рекламой, уйди отсюда, кащенко, дай людям поговорить!

– Не уйду. Узнайте, люди, Истину о Настоящей Жизни Сословия Нравственных Людей. www.istina.ua-ua.

– **комментарий удалён.**

– Афтар молодец!

– Тварь продажная. Сколько баксов у бёрезы огреб?

– Он гребёт у Ходора.

– У Невзлина сосёт.

– Ты на Лубянке больше отсасываешь.

– Поцелуйся со своей Лерой, кашка либерастическая!

– Поцелуйся с Геббельсом, фашистская гнида.

– Автор, за что вы не любите Путина?

– Он любит Путина.

– Он не любит Путина.

– Плевать ему на Путина.

– А мне на тебя плевать, урод вонючий.

– Ты как сюда пролез, уёбок смешной?

– Ты, козёл, кровью дрить за такие слова будешь!!!

– Пашёл нах, мандавошка смешная, едва видимая.

– Завтра!!! Завтра, козла кусок, возле аптеки на 6-й Строительной в 23.00!!! Я тебя зубами рвать буду!!!

- **комментарий удалён.**
- Завтра!!!
- **комментарий удалён.**
- Сегодня!!!
- Удивительное хамство и полнейшее бескультурье царит на этом сайте. Модератор, куда же Вы смотрите?
- В рот тебя с твоим модератором!!!
- Автор, за что вы не любите русских?
- Он любит русских.
- Он ненавидит всё русское.
- Зато любит русских.
- Это не русские.
- Я – русский.
- И ты не русский.
- Я – РРРУССКИЙ! СЛАВА РОССИИ!!!
- Тогда я не русский.
- Где вы, русские?
- **комментарий удалён.**
- **комментарий удалён.**
- **комментарий удалён.**
- **комментарий удалён.**

Группа политически активных русскоязычных граждан сгущается в толпу. Случайный прохожий, идущий мимо: «Мужики, о чём базар?»

- С луны свалился, пидор? Не знаешь: автор статью написал? Мы обсуждаем.
- А-а.
- Х... на.
- Извините. Так я пошел?
- Стой, гад. Ты чего про статью думаешь?
- Я не читал, мужики. Ребята, вы чего... пустите! Мужики, мне домой надо!
- Пока своего мнения не выразишь – тут стоять будешь. Стой, высказывай.
- Не хочу.
- Хочешь.
- Пустите...
- И – ыыхх!!!
- А-а!..
- Дай-ка я ногой его!
- А-а!..
- И – ыыхх!!!
- Неграмотный, блять!
- Ненавижу неграмотных! Как увижу – убиваю на месте. Ликвидирую безграмотность, нах.
- Пятого уж замочили за этот месяц.
- А хули он статей не читает? Это неуважение к автору и к читающей России.
- Теперь уж и не прочтёт.
- Ну чо, по домам, что ли?
- До завтра, господа, до завтра. Есть сведения, автор ночью напишет новую статью.

Переключка с утра.

Расходятся. Слышны удаляющиеся по планете голоса группы политически активных русскоязычных граждан: «Дерьмо текст», «Читал – плевался», «Не, ништяк статья-то...», «Да, блин, от души нахерачил», «Молодец этот, как его... афтар», «Только русских не любит», «... и чего не любит?»

19 августа 2006 года. Путинская Россия отмечает 15-летие Августовской революции. Среди её главных телегероев – бывшие путчисты. Складывается впечатление, что они победили.

Антиавгуст

Танки генерала Лебеда не без труда, но довольно быстро вытеснили с площади у Белого дома толпу хулиганов, наркоманов и алкоголиков. Прицельные залпы, автоматный огонь на поражение, аккуратная зачистка территории, ночная вахта поливальных машин, смывших кровь с мостовой, несколько сотен арестов наутро – и в столице нашей Родины снова стало тихо, как и повсюду в стране. Слухи о десятках тысяч погибших были опровергнуты в газетах: 15 убитых, около 40 раненых – вот и все так называемые людские потери. Напротив, похороны четырёх бойцов «Альфы», погибших в бою с охраной Ельцина, вылились в государственное траурное мероприятие. Посмертно бойцам было присвоено звание героев Советского Союза. О судьбе Ельцина и его окружения диктор ТВ сообщил коротко и сухо: предатели понесли заслуженное наказание.

Слухи о болезни М.С. Горбачёва, к сожалению, подтвердились: он скоропостижно скончался 23 августа, успев однако, согласно официальному заявлению пресс-службы ГКЧП, от всей души поддержать действия новой власти, направленные на сохранение СССР и защиту наших коммунистических идеалов от происков врагов и их пособников. Над гробом друга и соратника один из новых руководителей государства Анатолий Лукьянов произнёс прочувствованную, яркую речь. Перестройка продолжается, заявил он, по плану, начертанному незабвенным Михаилом Сергеевичем, но с некоторыми уточнениями.

Месяц подряд западные спецслужбы и советологи скрупулёзно анализировали новый словарь перестройки под руководством ГКЧП. «Прозрачность», «вертикаль власти», «суверенная демократия» – всё это были необычные, свежие слова, заставлявшие специалистов мучительно размышлять об особом пути России и загадочной русской душе. Потуги горе-мыслителей были бесплодными, а факт оставался фактом: многонациональный советский народ поддержал ГКЧП. С этим приходилось мириться.

Поэтому западные лидеры, выразив лицемерную озабоченность событиями в СССР, вскоре возобновили контакты с новыми советскими лидерами. Проблема заключалась лишь в том, кого из них приглашать в Вашингтон и Лондон. Исполняющий обязанности президента Геннадий Янаев быстро куда-то пропал: в народе говорили, что спился, причём в одной компании с отставленным премьер-министром Валентином Павловым. Через полгода исчез из Кремля и Анатолий Лукьянов – самый демократичный, по мнению экспертов, советский руководитель. В очередях сплетничали, что он удавился на осине: сплетников отлавливали и жестоко карали. В итоге коллективное руководство возглавил Владимир Крючков, назначенный президентом СССР на закрытом съезде Верховного Совета СССР. Тихий человек в очках, встретившись в Белом доме с президентом Бушем, сообщил ему, что Советский Союз останется предсказуемой, стабильной страной, в которой ядерные ракеты находятся под его неусыпным личным контролем. «А большего от вас и не требуется», – ответил американский президент, отводя взор, и крепко пожал ему руку.

ГКЧП победил. Народ ему аплодировал. Всё кончилось хорошо, и только одно было плохо: этот самый аплодирующий народ надо было ежедневно кормить. Но как-то не получалось. Полки магазинов, боровшихся за звание продовольственных, опустели ещё при Горбачёве и наполняться категорически не желали. Реформы, о которых визгливо кричали в августе предатели Родины, были явной изменой выстрадавшему страной коммунистическому курсу, а кредитов на Западе больше не давали вообще. Попытка в очередной раз обменять еврейскую эмиграцию на зерно, к несчастью, провалилась. Зерно стоило очень дорого, а евреи в газетах и по телевизору упорно рассказывали о

том, как счастливы они жить в СССР и с каким бесконечным презрением относятся к горстке отщепенцев, желающих удрать из страны через закрытые границы.

Еще хуже было другое. Победив в Ираке, Запад больше ни с кем не желал воевать. В итоге цены на нефть упали до совсем уж катастрофических отметок. Америка сосредоточивалась, у нее не было в мире врагов, кроме СССР и её руководства. Подлая политика двойных стандартов сводилась к тому, что на словах западные руководители признавали Советский Союз, а на деле ничем не желали помочь ни ГКЧП, ни лично товарищу Крючкову. Ну, и в так называемой «свободной прессе» продолжали муссироваться клеветнические слухи о массовых убийствах в августе, о таинственном уходе любимого Горби, о жестокой цензуре в СССР и непрестанных якобы гонениях на инакомыслящих. Антисоветские радиостанции беспрепятственно доносили это враньё до слушателей: денег на глушилки тоже уже не было.

Любимая наша страна развалилась ровно через год – в августе 1992 года. Началось с голодных бунтов в средней полосе России, которые с каждым месяцем всё труднее было усмирять, чуть позже запыхали Кавказ и Средняя Азия, за ними поднялась Украина, почему-то одновременно с Прибалтикой. Голодающая армия все чаще отказывалась применять оружие против своего народа, а тут подошла и годовщина августа. Этим воспользовались чёрные от голода полковники КГБ, учинившие заговор против жирующей на последние деньги законной власти. Президент Крючков в женском платье улетел в Китайскую Народную Республику. В толпе хулиганов, наркоманов и алкоголиков, собравшихся у Белого дома, эта новость была встречена с возмутительным, глумливым ликованием.

Первый звонок новый руководитель сделал из Кремля в Вашингтон. «Меня зовут Владимир Владимирович, – сказал он сразу по-русски и по-немецки, поскольку английским ещё не владел. – Мы тут решили отменить цензуру, распустить СССР и отпустить евреев. Денег дадите?» – «А ядерные ракеты под контролем?» – спросил собеседник в Белом доме. – «Под моим неусыпным личным контролем», – ответил собеседник в Москве. Помолчали. «Дам», – выговорил наконец через переводчика президент США, твёрдо решив уволить директора ЦРУ и пошерстить его сотрудников: опять, дармоеды, проспали переворот в России. Хотя... Какая всё-таки таинственная, непредсказуемая страна и как тянется к свободе!

Сентябрь-октябрь 2006 года. В Грузии по обвинению в шпионаже арестованы, вскоре освобождены и высланы российские военнослужащие. В ответ – транспортная блокада Грузии, высылка грузинских граждан из России, массовая антигрузинская истерия в стране. Выступая на Совете безопасности РФ, президент Путин говорит о признаках правопреемства правительства Саакашвили по отношению к политике «Лаврентия Павловича Берию как внутри страны, так и на международной арене». Обращаясь к своим силовикам, он добавляет: «Эти люди думают, что, находясь под крышей своих иностранных спонсоров, они могут чувствовать себя комфортно и в безопасности. Так ли это на самом деле?»

Чёрное солнце пустыни

Саакашвили – преемник Берию. Конспирология в аду

Чёрное солнце, заходящее в аду в точном соответствии с кремлёвскими земными часами, постепенно пропадало за горизонтом. Стало посветлее, хотя источник света был, как всегда, непонятен. Старик с тигриными глазами, щёлкнув пультом, выключил телевизор и тяжелым взглядом уставился на соседа по вечности – старика в нелепом пенсне. Тот понурил голову и глубоко вздохнул. Старик с тигриными глазами молчал, всё так же неподвижно глядя на собеседника.

– Ай, попалась птичка, стой, не уйдёшь из сети, – нарушил наконец молчание старик с тигриными глазами, и старик в пенсне почувствовал, что у него задрожали пальцы.

Они уже пообвыклись в этом регионе ада, где грешников, повинных в преступлениях против человечества, поджаривали на медленном огне. Господь милосердный даровал им уже более полувека, лишь понемногу, да и то не каждый день, увеличивая температуру пустынной земли, на которой они сидели, приговорённые к посмертному заключению. По ночам прохладный ветерок всё еще заставлял их ёжиться и припадать к заскорузлой почве в поисках тепла. Старик в пенсне пал на землю, трясая дряблыми жирными щеками.

— Газету завтра принесут, — неторопливо продолжал старик с тигриными глазами, — но я и так запомнил, в общих чертах. Он сказал, что ты проводил политику как внутри страны, так и на международной арене. А этот чудесный грузин, пилять, как его... Саакашвили — твой правопреемник.

— Он сказал про признаки правопреемства, — уточнил старик в пенсне еле слышным голосом.

— Признаки, — согласился старик с тигриными глазами и вдруг заорал, — я тебе эти признаки из жопы вырву, на горло намотаю и жрать заставлю! Он в Кремле сидит! Он на архивах сидит! Он зря говорить не будет! Признавайся, пилять, когда и как ты проводил политику как внутри страны, так и на международной арене...

— После твоей смерти, Иосиф, — пробормотал старик в пенсне, — да и то недолго. Сам знаешь, дорогой.

— После того, как ты отравил меня, Лаврентий, и оставил умирать в говне и ссаках, — сказал Сталин и жёлтыми своими глазами вцепился в Берия. — Но он имел в виду другое. Он на архивах сидит. Он знает.

— Он ни хера не знает, — с дрожью в голосе возразил Берия. — Он тебя Тамерланом называл. Он Молотова с Риббентропом путает. Он пиво пил, когда историю проходили, сам признавался. Не верь ему, Иосиф.

Сталин разжёл трубку. Помолчали. Чёрное солнце совсем закатилось за горизонт, и белый таинственный свет воссиял над медленно подогреваемой пустыней.

— Я проводил политику, — молвил старик с тигриными глазами, — как внутри страны, — он приподнял трубку и подержал её в воздухе, усугубляя паузу, — так и на международной арене. Я решал, когда назначать Ежова и когда расстреливать Ежова. Когда начинать «разберивание» и когда кончать «разберивание». Когда дружить с Гитлером и когда дружить с Черчиллем. Когда критиковать Троцкого и когда бить его ледорубом по голове. Когда награждать тебя титулом маршала и когда расстреливать тебя, баран вонючий. Только я не успел. Ты опередил меня, британский шпион. Но товарищи за меня отомстили! Советские генералы пристрелили тебя, как бешеного пса!

Берия вдруг усмехнулся, сверкнув пенсне. Он прямо и просто взглянул на Сталина, садясь на корточки и подпирая подбородок жирными пальцами. Старик с тигриными глазами раскрыл от гнева рот и с ненавистью заглянул ему прямо в душу. Лаврентий Павлович Берия взора не отвёл.

— Я тоже не буду ждать завтрашней газеты, — проговорил он торжественно. — Я тоже запомнил, что он сказал, обращаясь к своим холоумам. Враги думают, сказал он, что, находясь под крышей иностранных спонсоров, они могут чувствовать себя комфортно и в безопасности. Ты понял, что он имел в виду, Иосиф?

— Не думай, что твой Путин умней меня, — раздражённо откликнулся Сталин. — Хадарковского полтора года сажал. Биризовского, Гусынского достать не может. На третий срок идти не хочет. Жыдов американских боится!

Старик в пенсне хлопнул в ладоши. Он внезапно вскочил с земли и снизу вверх поглядел на вождя. Он взмахнул в воздухе жирными пальцами.

— Кто не слеп, тот видит! — воскликнул Берия. — Когда мой Путин говорил про иностранных спонсоров, он имел в виду англичан и американцев. Он намекал на Саакашвили, который берёт подачки у своих заграничных хозяев. Он имел в виду, что твоего Саакашвили рано или поздно застрелит в тюремном подвале русский генерал. Как меня, — добавил он и передёрнулся.

— Саакашвили — это Берия сегодня? — уточнил Сталин, раздвинув усы в тихой улыбке.

– Ты понял! – радостно закричал старик в пенсне. – Он ведь ещё спросил, глядя на холуев, мол, так ли на самом деле, что его враги могут чувствовать себя комфортно и в безопасности? Он орёл, мой Путин! Высоко сидит, далеко глядит. Но всё равно, – сбавил тон человек в пенсне, – с тобой, конечно, никакого сравнения. Ты у нас всегда проводил политику как внутри страны, так и на международной арене. Ты, а не я.

Старик с тигриным взглядом долго молчал, посасывая трубку и глядя себе под ноги.

– Ладно, – сказал он наконец, – может, ты и прав. Но почему он тогда меня не назвал по имени? Почему тебя назвал? Разве меня тоже не разоблачили?

– А потому что тебя до сих любят его холуи, а меня не любят. При жизни не любили и после смерти не любят. Если бы он назвал тебя, то народ решил бы, что он по земле ползает перед этим Саакашвили. Как я перед тобой.

Старик с тигриным взглядом медленно поднялся и подошел к старику в пенсне. Он сунул погасшую трубку в карман кителя и похлопал по плечу старого товарища.

– Молодец, Лаврентий, – произнес он тихо и задумчиво. – Опять выкрутился. Но скажи, зачем ты отравил меня той весной?

– Заколебал, генацвале, – окончательно развеселился человек в пенсне. – Столько лет прошло, всё помнишь ерунду какую-то... Лучше включи телевизор. Поглядим, как дальше дела пойдут. Я за Путина болеть буду, а ты за кого?

Чёрное солнце медленно поднималось на востоке. Исчезал таинственный свет. Наступало утро по кремлёвским земным часам. Пустыня погружалась во мрак. Принесли свежую газету. Господь милосердный, спустившись в райский подвал и перекрестившись, медленно повернул адский кран и прибавил тепла ещё на полградуса.